

**ДИАЛЕКТНЫЕ ЕДИНИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК», ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ
ЛИЧНОСТЬ, В ОСНОВАХ ПРОЗВИЩНЫХ
ФАМИЛИЙ КРЕСТЬЯН ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

О. В. Максимова, Е. А. Нивина

*ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический
университет», г. Тамбов*

Рецензент д-р филол. наук, профессор И. М. Попова

Ключевые слова и фразы: диалектные слова; прозвища; фамилии.

Аннотация: Рассмотрены диалектные слова тематической группы «Человек», зафиксированные в основах фамилий тамбовских крестьян и купцов. Отмечено, что некоторые свойства диалектных слов сделали их оптимальным материалом для образования прозвищ. С развитием антропонимической системы большая часть данных прозвищ стала материалом для фамильных основ и «законсервировала» диалектные слова, сохранив неизменными их форму и звучание. Приведены примеры из материалов деловой письменности середины XVIII – начала XIX вв.

В русской антропонимике значительное развитие получили исследования региональных антропонимических систем. Подобные исследования позволили выявить особенности восприятия и создания имен в определенный исторический период на определенной территории, что «связывает имена как слова с очень широким кругом социальных, идеологических, биологических и прочих явлений, воспринимаемых лишь членами данных коллективов и не всегда понятных лицам непосвященным» [10]. На важность таких изысканий указывалось неоднократно [7], например: «...Разработка основных проблем как исторической, так и современной антропонимике непосредственно связана с всесторонним изучением региональной антропонимии. Рассмотрение локальной антропонимической системы на одном из этапов ее развития и, естественно, в динамике, позволяет выявить особенности именования жителей на какой-либо ограниченной территории, и в то же время помогает понять особенности общерусской системы именования данного периода и в развитии...» [6]. На сегодняшний день имеется целый ряд публикаций, в которых рассматрива-

Максимова Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология», e-mail: OMax.jvfx@yandex.ru; Нивина Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология», ТамбГТУ, г. Тамбов.

ется история или современное состояние фамилий русского населения той или иной территории [11, 12].

В связи с анализом антропонимической системы определенного региона встает вопрос о влиянии на нее системы говоров, бытующих на данной территории. Влияние это сложно и неоднородно.

Анализ антропонимической системы какого-либо региона, в частности подсистемы фамилий, не может обойтись без данных диалектологии, поскольку имя собственное живет и функционирует «в той подсистеме, в которой и на основе закономерностей которой оно возникло» [10]. Подсистемы эти территориальны, то есть определялись бытующими в данной местности говорами, влияющими на выбор словообразовательных моделей, и социальные, то есть обусловлены составом населения. На систему фамилий какого-либо сословия и время ее возникновения накладывали отпечаток особенности жизни, быта его представителей. «Рассматривать становление фамилий можно только дифференцированно по социальным слоям» [3]. Именно национальный и классовый составы населения данного региона, его история, быт, традиции и верования определяли наполнение основ имен собственных. «Именно в лексическом содержании ономастических морфем косвенно отражается социальный аспект ономастики» [10].

При анализе системы фамилий крестьян Тамбовской губернии конца XVIII – начала XIX вв. очевидно, что часть этих фамилий сформировалась на базе тамбовских говоров. Это подтверждается тем, что многие фамилии тамбовских крестьян образованы от прозвищ, в основах которых лежат диалектизмы.

Диалектное слово, бытующее в русских говорах, часто не только называет предмет, но и осуществляет его оценку. Полный объем семантики диалектного слова определяется качеством, объективностью и временем описания, многими экстралингвистическими факторами. Семантика, форма и функция диалектного слова обусловлены допустимостью одного или нескольких значений в пределах одной словоформы; сохранением исходного и развитием нового значения; способностью совпадать по объему с текстом; совпадением семантики в обрядовом слове: наличием в его структуре предметного, акционального, вербального значений.

Как известно, XVIII в. – время становления фамилий у «низких» сословий российского общества. С 1718 по 1887 гг. учет лиц, подлежащих налогообложению (крестьяне, посадские люди, однодворцы, ямщики, работные люди и т.н. гулящие или вольные люди), осуществлялся с помощью ревизских сказок, той же цели служили и писцовые книги в помещичьих хозяйствах. Писцы, проводившие переписи, следуя циркулярам столичных канцелярий, выработали и узаконили форму русского официального трехчленного именованья, в составе которого, вероятно, и сформировалась фамилия как антропонимическая форма. «Интересно и то, что все компоненты, входившие в состав именованья русских людей в XIV – XVIII веках нашли свое место в фамилиях» [10]. Фамилии тамбовских крестьян, зафиксированные в документах деловой письменности XVIII – начала XIX вв., хранят диалектные единицы, ставшие прозвищными именами и несущие, в свою очередь, информацию о языке, быте и мировоззрении крестьян Тамбовщины данного периода времени.

Следует сделать оговорку. В данной статье рассматриваются крестьянские фамилии, зафиксированные в писцовых книгах и ревизских сказках Верхоценской волости Тамбовской губернии (современные Сосновский, Моршанский, Тамбовский и другие районы). Обращаясь к исследованию именований крестьян именно Верхоценской волости, исходим из следующих предпосылок. Русские говоры Тамбовской области – переселенческие, они формировались в период освоения русскими этого края в XVII – XVIII вв. Верхоценская волость возникла во второй половине XVI в., а в первой трети XVII в. превратилась в крупнейший хозяйственный центр юга России. С 1631 года она входит в состав дворцовых владений. Таким образом, Верхоценская волость была освоена и заселена русскими раньше других административных единиц Тамбовского края. К XVIII веку население волости представляло собой уже не массу переселенцев, а некий единый социум.

Поскольку в основе прозвищной фамилии лежит индивидуальное прозвище человека, то не вызывает сомнений тесная связь основ данной подгруппы фамилий с диалектной тематической группой «Человек». Прозвища образовывались, прежде всего, от слов, так или иначе характеризующих личность: особенности внешности, склада характера, манеры говорить или двигаться, происхождения, рода деятельности и т.д. Помимо идентификации прозвище выполняло экспрессивно-оценочную функцию. Слово, становившееся основой прозвища, бралось из обиходного, всем окружающим понятного языка. И поскольку диалектизм обладает такими свойствами, как многозначность, способность в зависимости от речевой ситуации совпадать по объему с текстом, кроме того, несет в себе оценочный и экспрессивный компоненты, он является идеальной основой прозвища.

Любая тематическая группа представляет собой многоярусное иерархическое образование. Элементы почти всех этих подгрупп можно найти в основах прозвищных фамилий. Выделяются следующие классификационные признаки и подгруппы тематической группы «Человек»: общее наименование человека (человек, группа людей; название большого числа людей; обращение к людям); характеристика человека по внешнему виду, физической природе; человек по его общественно-социальной значимости; человек и его семейные отношения; дифференциальный признак «возраст»; наименования человека в обрядах.

Издавна людьми высоко оценивалось трудолюбие как важнейшее качество человека. В народе резко осуждается лень, поэтому в говорах разнообразна характеристика человека, который не любит и не хочет работать. Неудивительно, что лексем со значением «лентяй» в тамбовских говорах очень много: *лентяй, бездельник, лодырь (лодарь), лежебок, лежебока, лежебокий, балда, лёжень, лодыка, сонура, стыра, трутень, тюнька, шабалда, шалапай, шалык*. Лексемы *лентяй, бездельник, лодырь (лодарь)* распространены в Тамбовской области повсеместно, возможно поэтому они не стали основами прозвищ. Зафиксированы такие фамилии, как Потапка Филипов сын *Трутнев* (с. Борки), Харитонка Иванов сын *Тюнькин* (д. Новая Княжа), Власко Андреев сын *Лодыгин* (с. Русское), Сенка Яковлев сын *Балдин* (с. Устье), Филатка Анофриев сын *Шебалдин* (д. Кулеватово) – в словообразовательных вариантах *балда* и *шабалда*, от-

меченных в словаре В. И. Даля, можно выделить общие значения «бестолковый, болтун, сплетник» [1]; Семен Иванов сын *Лежнев* (с. Питерское) – лексическая единица *лежень* широко распространена в вологодских [8], новосибирских [5], свердловских, воронежских [4] и др. говорах; Ефтифейка Гаврилов сын *Санурин* (с. Питерское) – в фамилии отражено акающее произношение, свойственное тамбовским говорам, Аристка Пиминов сын *Стырин* (с. Кулеватово) – тамбовские говоры сохранили слово *стыра*, которое в том же значении было зафиксировано автором словаря живого великорусского языка с дополнительной семантикой «сонная, нерасторопная» [1].

Одним из важнейших качеств человека была доброта. Однако положительная характеристика человека часто дополняется негативной оценкой: доверчивый, но нерешительный, бесхарактерный. Таких людей в тамбовских говорах называют *лапоть*, *витютень*, *распазённый*, *тряпка*, *тюря*, *тютюка*. В ревизских сказках встречаются фамилии, сохранившие данные диалектизмы: Васка Михайлов сын *Смирнов* (с. Устье), Гаврила Никифоров сын *Тюринов* (г. Тамбов), Харитонка Иванов сын *Тютюкин* (д. Новая Княжа), Иван Семенов сын *Лаптев* (с. Питерское).

В систему значений слова добрый входят такие расширенные понятия, как щедрый или *тороватый* – Оска Яковлев сын *Тороватов* (с. Морша).

Как ни странно, но люди реагировали на чрезмерную уступчивость, доброту, а излишние проявления этих качеств оценивались как бесхозяйственность до отрицательного: *разиня*, *растопча*, *растяпа*, *фетюк*. Эти лексемы приобретают особое эмоционально-оценочное значение в крестьянской среде, где ценились хозяйственная хватка и даже жесткость, подобные качества тем более осуждались. Прозвища, образованные от данных диалектизмов, видны в основах фамилий Макарка Стефанов сын *Фетюкин* (с. Ивень), Емелка Семенов сын *Ростяпин* (с. Перкино), Стенка *Растопча* (с. Сержала).

Обращает на себя внимание тот факт, что отрицательные характеристики приобретают более развитую систему понятий и лексем оценочного характера. Выделяются исходные понятия: отрицательный по своим качествам, злой, недоброжелательный человек с плохим характером и ситуативно злой. Отсюда вытекают следующие признаки: сварливый, тот, который любит ругаться, кричать – *брехун*, *брехучий*, *брюзга*, *ратах*, *дрязга*, *дрязгун*. Прозвища, образованные от этих диалектных лексем зафиксированы в фамильных основах: Самсон Ефимов сын *Брехин* (с. Питерское), Якушка Евдокимов сын *Дрызгунов* (д. Хабарова), Фетка Акимов сын *Ратахин* (с. Ивень). К этой группе можно отнести прозвища – фамильные основы, образованные и от глаголов со значением «кричать, шуметь, ругаться»: *бутить* – бурлить, кипеть, прозвище, образованное от этого глагола, давалось шумному, непоседливому, задиристому человеку: Ефимка Савелев сын *Бутенев* (с. Серкино); *забозлать* – орать, кричать – Липат *Забазлаев* (г. Борисоглебск).

Вспыльчивого, неуравновешенного человека характеризовали с помощью лексем: *бешеный*, *горячий*, *грызло*, *чепурной*, *шутолом*, которые в силу своей эмоциональной окрашенности часто становились прозвищами. Сафрошка Алексеев сын *Бешеной* (с. Устье), Василей Ильин сын *Буйнов* (г. Тамбов), Оношка Василев сын *Буянин* (с. Руское), Гришка Иванов сын *Горячев* (д. Хобарова), Антон Анофреев сын *Милков*, он же *Горячкин*

(с. Питерское), Марчка Федотов сын *Грызлов* (с. Русское), Егорка Ананьин сын *Чепурнов* (г. Темников), Марка Семенов сын *Шутолом* (с. Ивенье).

Несколько признаков можно отнести к подгруппе «нарушающий нормы общения, грубый, невежливый, неприветливый»: *кабол*, *костёра*, *охряпка*, *сгальный*, *тимига*, *шутолом*. Прозвища, образованные от данных диалектизмов, лежат в основах фамилий: Авдотья *Каблова* (г. Кадом), Кондратей Антонов сын *Костерин* (с. Питерское), Микитка Клементьев сын *Охряпин* (с. Борки), Тимошка Константинов сын *Сгальнов* (с. Борки), Васка Сидоров сын *Тимигин* (д. Кулеватово), Марка Семенов сын *Шутолом* (с. Ивенье).

Забияку и задиру в тамбовских говорах называли *бурняи*, *корявый*, *кочет*, *шелбаня*. Диалектизмы сохранились в фамильных основах: Васка Исаев сын *Бурняшев* (с. Жоркино), Тимошка Ульянов сын *Корякин* (с. Устье), Степан *Кочетов* (г. Елатма), Филатка Анофриев сын *Шелбанин* (д. Кулеватово).

Замкнутому, нелюдимому человеку могли дать прозвище, образованное от следующих диалектизмов: *бирюк*, *нелюдка*, *кулугур*, *мехей*. Интерес вызывает слово *кулугур*. Обычно оно выводится от греческого названия монаха *калугер*, известного русскому языку с XI века. И. Г. Добродомов при исследовании этимологии слова попытался учесть все его варианты [2]. *Кулугурами* называли бывших однодворцев, так как они резко отличались своим говором от окружающих. Помимо известного значения лексемы *кулугур* «старовер» [9], он указывает на единичную фиксацию в вологодских говорах значения «богатый человек» [9]. В тамбовских говорах зафиксировано еще одно значение – «нелюдимый человек». Например: [*Х кулугурам никто ни ходить, и ане никуды ни ходють*] (с. Черняное Тамбовского района, Комарова М. Г., 1921 г. р. Запись 1999 г.). О задиристом человеке зафиксирована пословица: [*Мужичок ни кочит, а драца хочит*] (с. Верхнеспасское Рассказовского района, Горелкина М. П., 1929 г. р. Запись 2001 г.). Эти диалектизмы также сохранились в фамилиях: Васка Прокофьев сын *Бирюков* (с. Чоркино), Ермил Федоров сын *Кулгуров* (с. Питерское), Степан Васильев сын *Михеев* (г. Темников), Яков Лукьянов сын *Неклюдов* (г. Тамбов).

Выводы. Диалектная лексика, описывающая человека в самых различных аспектах его существования, предоставляла прекрасный материал для образования прозвищ. В процессе развития антропонимической системы данные прозвища становились фамилиями и «консервировали» диалектные слова-прозвища в своих основах.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. Р. – В. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз.–Медиа, 2003. – 688 с.
2. Добродомов, И. Г. Кулугур / И. Г. Добродомов // Этимология 1996 – 1997 / под ред. Ж. Ж. Варбот. – М., 2000. – С. 30 – 39.
3. Королева, И. А. Становление русской антропонимической системы : дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.01 / Королева Инна Александровна. – М., 2000. – 387 с.

4. Кривова, Н. И. Имена существительные, характеризующие человека, в говорах Воронежской области / Н. И. Кривова // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX – XXI вв. / Воронежский гос. пед. ун-т. – Воронеж, 2001. – С. 75–76.
5. Лукьянова, Н. А. Лексико-семантическая группа «человек ленивый» в диалектной системе (опыт семантического анализа) / Н. А. Лукьянова // Русская лексика в историческом синхронном освещении : сб. ст. / под ред. К. А. Тимофеева. – Новосибирск, 1985. – С. 58 – 79.
6. Назаров, А. И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков / А. И. Назаров. – Алматы : Комплекс, 2003. – 180 с.
7. Никонов, В. А. География фамилий / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
8. Словарь вологодских говоров : учеб. пособие по русской диалектологии. В 4-х вып. Вып. 2: К. – М. / Волог. гос. пед. ин-т. – Вологда : Волог. гос. пед. ин-т, 1989. – 92 с.
9. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука. Вып. 16. – 1980.
10. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.
11. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская [и др.]. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
12. Суперанская, А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Суслова. – М. : Наука, 1984. – 176 с.

Dialectical Unity of Theme Group “Man” to Characterize Personality in the Roots of Peasants’ Nickname-Based Surnames in the Tambov Province

O. V. Maksimova, E. A. Nivina

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: dialectal words; nicknames; surnames.

Abstract: The article deals with dialectal words of the thematic group “Man” in the roots of the surnames of the Tambov peasants and merchants. The authors state that certain features of dialect words make them the best material for the formation of these nicknames. With the development of the anthroponomical system most of these nicknames became family names and “conserved” dialect words for a long time, keeping intact its form and sound. It should be noted that the examples include the materials of business writing in the middle of XVIII – early XIX centuries.

© О. В. Максимова, Е. А. Нивина, 2013